

— Чёрт возьми, — пробормотал Цзян Мэнлинь, присев на корточки у двери больничной палаты и перебирая в руках толстую пачку квитанций на оплату. Щёки его горели от злости. Он словно притащил в дом настоящую катастрофу! Прошло всего несколько дней, а уже потрачено почти семь-восемь тысяч юаней!

На больничной койке лежал юноша, спокойный и неподвижный. Цзян Мэнлинь, сидя на стуле рядом, с аппетитом уплетал фрукты, которые принесла медсестра, и внимательно разглядывал его.

Парень был действительно хорош собой. После того как с него смыли кровь и грязь, его внешность стала еще более привлекательной. Густые прямые брови, высокий нос, тонкие губы, которые сейчас были плотно сжаты. Видимо, это был человек, лишенный чувства безопасности, с тяжелым характером. Даже во сне его лоб был изборожден глубокими морщинами, образуя иероглиф «чуань».

Цзян Мэнлинь быстро съел два апельсина и, бросив кожуру в лицо юноше, с негодованием проговорил:

— Чёрт возьми, даже в VIP-палатах я никогда не жил, а тут тебя, как внука, на руках ношу. Если проснешься и вздумаешь отплатить мне черной неблагодарностью, смотри, я тебя в порошок сотру!

Сун Цинсюю казалось, что он проспал целую тысячу лет.

Его тело было сковано неведомой силой, и даже попытка пошевелиться превратилась в недостижимую мечту.

Один за другим старшие его семьи падали под ударами палачей, женщины, привязанные к столбам, рыдали так, что их крики разносились далеко вокруг. Кровь, стекавшая с площади, достигла его ног, пропитав ткань туфель, которые всего три дня назад сшила ему бабушка.

Изначально переполнявшая его ненависть постепенно сменилась оцепенением. Он стоял в толпе, которая громко осуждала жестокость властей, но при этом украдкой поглядывала на происходящее. Его ноги онемели, а шею держал слуга из княжества Му, заставляя смотреть на гибель всей семьи...

Внезапно его лицо охватил холод, затем появились боль и зуд, а после что-то накрыло его лицо, затрудняя дыхание...

Он изо всех сил попытался сопротивляться — неужели слуги княжества Му наконец решили покончить с ним?! И они используют такой метод, как заклеивание лица масляной бумагой? Неужели ему стоит радоваться, что ему оставят целое тело?!

Цзян Мэнлинь, сидя у мусорного ведра, съел уже два цзиня апельсинов, когда вдруг услышал с койки прерывистое дыхание, за которым последовал низкий рык, похожий на крик волчицы, у которой забрали детенышей. Он слегка вздрогнул и с беспокойством протянул руку, чтобы коснуться руки парня:

— Эй! Ты в порядке?

Человек на койке резко вскрикнул, затем быстро сел, его тело судорожно дергалось. Он машинально поднял руку и вскрикнул от боли — оказалось, что капельница отсоединилась.

Но его внимание явно не было приковано к этой боли. Напротив, его охватило волнение от окружающей обстановки — что это за место?! Почему в его руку воткнули иглу?! Что это за железная коробка, которая постоянно издает звуки?!

Цзян Мэнлинь, раздраженный его поведением, все же понимал, что для человека из древности, внезапно оказавшегося в современном мире, остаться в здравом уме уже большая удача. Поэтому он не злился, а терпеливо объяснил:

— Не бойся, я не знаю, что произошло с твоей семьей, но Сюй Сянь попросил меня спасти тебя, так что веди себя прилично. Это место отличается от того, где ты был раньше. Если ты начнешь нападать, то... охранники схватят тебя и отрубят голову.

Сун Цинсюй вздрогнул всем телом, его взгляд резко устремился на Цзян Мэнлиня, глаза сверкали:

— Кто ты?!

— Чёрт возьми, ты просто не знаешь, как вести себя прилично... — у Цзян Мэнлиня и так не было много терпения, и после того, как его добрые слова не подействовали на Сун Цинсюя, он сразу разозлился, его голос стал громче, а тон резче. — Я, блин, спас тебя, а ты мне за это злостью отвечаешь?! Что это за отношение? Неужели нельзя быть вежливым с тем, кто тебя спас?

Лицо Сун Цинсюя побледнело. Он сжал губы, словно обдумывая правдивость слов Цзян Мэнлиня, а затем, через некоторое время, покорно опустил голову и сложил руки в приветствии:

— Благодетель, прошу прощения. Я Сун Цинсюй, второе имя Хань. Как мне обращаться к вам?

Цзян Мэнлинь фыркнул:

— Цзян Мэнлинь.

— Брат Цзян... — осторожно произнес Сун Цинсюй, его жесткие черты лица сморщились. — Где мы находимся?

Цзян Мэнлинь жестом велел ему замолчать, затем нажал кнопку вызова медсестры, чтобы та снова подключила капельницу. Хотя Сун Цинсюй нервничал и хотел сопротивляться, взгляд Цзян Мэнлиня заставил его непроизвольно успокоиться. После того как медсестра ушла, Цзян Мэнлинь закрыл двери и окна, сел на кровать и начал подробно рассказывать обо всем, что произошло, и о времени, в котором они сейчас находились.

Сун Цинсюй, сначала испуганный, постепенно замолчал, и в конце его лицо стало совершенно бесстрастным, без единого намека на эмоции.

Цзян Мэнлинь устал от разговора, взял со стола стакан воды, который предназначался Сун Цинсюю, и с наглостью выпил его, покачивая головой:

— Так что запомни: я твой благодетель, и отныне ты должен быть готов отдать за меня жизнь, быть преданным и верным!

Он, конечно, не собирался раскрывать все свои карты перед Сун Цинсюем. Цзян Мэнлинь не был настолько глуп. Хотя Сун Цинсюй был человеком из древности, раз уж Сюй Сянь попросил

его спасти, значит, в нем было что-то особенное. Учитывая его кровавое появление в тот день, Цзян Мэнлинь почти был уверен, что происхождение Сун Цинсюя было далеко не простым. Что касается его прошлого, то лучше всего было бы спросить об этом Сюй Сяня.

Сун Цинсюй слушал, бледный, а после того как Цзян Мэнлинь закончил, он опустил голову на мягкую подушку и молчал. Его обычно жесткое и холодное выражение лица теперь было окрашено легкой печалью и отчаянием, а в глазах читалась бесконечная тоска.

Слова Цзян Мэнлиня о благодарности были просто сказаны для виду, он и не ожидал, что Сун Цинсюй воспримет их всерьез. В конце концов, жизнь Сун Цинсюя была спасена в обмен на три куса жадеита, так что Цзян Мэнлинь сам получил выгоду. Его слова были просто привычной фразой.

Но, к его удивлению, Сун Цинсюй вдруг очнулся, поднялся и с грохотом упал на колени перед Цзян Мэнлинем.

Цзян Мэнлинь тут же испугался, и наполовину очищенный апельсин покатился под кровать. Но прежде чем он успел опомниться и остановить Сун Цинсюя, тот, толкнув плечом и подняв руку, буквально вытащил из собственного горла круглый, огненно-красный шарик.

Он сжал руку, и шарик превратился в белый дым, исчезнув, а в его ладони остались два белых комочка размером с жемчужину, один больше, другой меньше.

Сун Цинсюй с искренностью поклонился Цзян Мэнлиню:

— Благодетель, прими мой поклон!

Цзян Мэнлинь, услышав громкий звук удара головой об пол, отшатнулся еще дальше. Но Сун Цинсюй, стоя на коленях, приблизился, опустив голову и держа в руках два белых комочка. Несмотря на то что он был высоким, даже на коленях он был почти одного роста с Цзян Мэнлинем. Тот взглянул вниз и увидел, что это были не просто комочки, а два извивающихся червяка!

Цзян Мэнлинь нахмурился:

— Что ты делаешь?

Голос Сун Цинсюя был глухим:

— Теперь, когда я оказался в этом месте, я потерял защиту семьи Сун. Судя по словам благодетеля, этот мир совершенно отличается от того, в котором я жил. Я понимаю, что мои знания ограничены, и не знаю, смогу ли выжить в этом мире. Теперь, когда благодетель спас меня из беды, а семьи Сун больше нет, вы стали для меня как родители. Мой поклон вы заслужили.

Он сделал паузу, его голос стал хриплым:

— Надеюсь, благодетель сможет приютить меня. Я могу выполнять любую работу по дому, я не бесполезен, мое знание медицины и боевых искусств может пригодиться. Я не буду есть ваш хлеб даром.

— Эти два гу, больший называется Мать, Пожирающая Небеса, а меньший — Дитя Вангуй. Их передал мне мой отец, они были выращены с помощью моей сердечной крови. Теперь, если

благодетель проглотит Мать, Пожирающую Небеса, а я оставлю себе Дитя Вангуй, то отныне я буду беспрекословно подчиняться вашим приказам, даже если это будет стоить мне жизни. Если я нарушу это, то в лучшем случае умру, истекая кровью из всех отверстий, а в худшем — моя душа не найдет покоя.

Сказав это, Сун Цинсюй громко ударился лбом о пол, и когда он поднял голову, на лбу у него был яркий красный след.

Цзян Мэнлинь нахмурился, взял из его руки большой белый комочек. Червяк свернулся в аккуратный круглый шарик, белый и мягкий, неподвижный, словно спал. Сун Цинсюй слегка дрожал, но опустил голову и с решимостью протянул его дальше.

<http://bllate.org/book/16657/1526540>